

В «Путешествии из Петербурга в Москву» после определения закона разрешения социальных противоречий путем революции («тяжесть порабощения» поднимет угнетенных на борьбу) Радищев писал: «Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие». ⁶¹ Это действительно не мечта, не пророчество, а предвидение, возможность которого обусловлена пониманием социально-экономических причин развития общества. Подобное предвидение — ярчайший образец действенности новой философии истории, свидетельство того высокого уровня, которого достиг в своем развитии просветительский историзм.

Важно подчеркнуть, что вышеприведенная фраза, не обмолвка мыслителя: та же идея, но в более полном виде развернута в оде «Вольность». Радищев не просто «прорицает о будущем жребии отечества», не только утверждает неизбежность победоносной русской революции, но и дает «описание царства свободы и действия ее, то есть сохранность, спокойствие, благоденствие, величие...» жизни свободных людей в свободном государстве. Больше того, историзм позволяет реалистически мыслить о будущем: революция будет, но она должна быть подготовлена всем ходом экономического и социального развития общества, ростом противоречий, созданием определенных условий. Радищев знает, что в настоящее время революция невозможна: «время еще не пришло»:

Но не приспе еще година,
Не совершился судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды! ⁶²

Историзм создавал возможность предвидения, а это способствовало решению другой проблемы (связанной в какой-то мере с условиями успешной революции) — роли личности в истории и тех обстоятельствах, которые «делают великого мужа». Радищев писал: «История свидетельствует, что обстоятельства бывают случаем на развержение великих дарований; но на произведение оных природа никогда не коснеет, ибо Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были; и не царь во Греции Александр был бы, может быть, Картуш. Кромвель, дошедши до протекторства, явил великие дарования политические, как то: на войне великие качества военного человека, но, заключенный в тесную округу монашеския жизни, он прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шлепами. Повторим: обстоятельства делают великого мужа». ⁶³

Развивая свою мысль, Радищев с поразительной прозорливостью видит и обобщает условия жизни исторических деятелей,

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. с. 173, 235.

⁶³ Там же, с. 428.